

1. К постановке проблемы

В исследовании человека философия выходит на факт парадоксального взаимовлияния людей и государственной власти, опосредуемого публичной политикой. Это взаимовлияние и закреплено в категории «человек политический». Последний обозначает вовсе не государственного деятеля, депутата парламента или председателя политической партии. Это, прежде всего, характеристика такого состояния общества, в котором люди вынуждены постоянно осуществлять политическое посредничество, чтобы как-то сбалансировать взаимовлияние жизненных сфер человека и государственной власти.

Это – очень противоречивое взаимовлияние, доходящее вплоть до объявления политики «грязным делом». Но в чем же действительно виновата политика? Может быть, наоборот, она помогает людям, регулируя их взаимоотношения с чрезвычайно сложным мега-институтом – государством, представленным органами власти и должностными лицами. Как известно, люди, чтобы самоорганизоваться и выжить, создают в различных жизненных сферах определенные «сети доверия» – структуры для общения и решения повседневных дел. При определенных условиях эти «сети доверия» интегрируются в публичную политику, благодаря чему требования людей доходят до власти и заставляют последнюю больше внимания обращать на нужды простых людей. В итоге в обществе возникает ниша, обозначаемая как «политическая жизнь». «Заражая» политику своими «страстями», люди превращают политическое в «слишком человеческое»¹. Тем не менее, это не устраняет из общественного дискурса людей в целом неприязненное отношение к политике. Дело в том, что политика не способна гарантировать исключение ни бунта человека против государства и безумия революций, ни насилия со стороны власти, часто ведущего к взаимоничтожению множества людей. «Неудачи» в отношениях людей с властями бросают «тень» на политику как своеобразную «заложницу».

Противоречивое посредничество публичной политики в отношениях между человеком и государством выражается в разных контекстах. Так идея «общественного договора» родилась в поиске именно неких опосредующих процедур, связывающих людей, политику и власть. Типична трактовка политической организации как «общественного договора, посредством которого весь народ

¹ См.: Баталов Э.Я. Политическое – «слишком человеческое» // Полис. 1995. № 5. С.14

связывает себя обязательствами перед каждым гражданином, а каждый гражданин перед всем народом в том, что они будут управлять по определенным законам для общего блага» (из преамбулы Конституции штата Массачусетс).

Таким образом, сущность и предназначение политики состоит в том, чтобы артикулировать потребности людей, агрегировать их интересы и выразить в соответствующих программных требованиях к власти, чтобы заставить государственную власть учитывать эти требования. Как видим, противостоит человеку не политика, а формально институционализируемая государственная власть. Парадоксальность этого положения отметил Т. Гоббс в своем «Левиафане»: «Государство есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем, чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и защиты»¹.

В первом издании знаменитого произведения Т. Гоббса мифический Левиафан изображен не в виде морского чудовища из книги Иова, а как огромный человек (Властелин, «земной бог»), тело которого состоит из множества «человечков». О чем эта аллегория? 1) О версии общественного договора, по которому люди, наделяя Властелина широкими полномочиями, отказываются от своих прав. 2) О том, что исследование государственной власти обращается к свойствам человека, стимулирующим пред-политические состояния в жизни обычных людей, с одной стороны, а, с другой, сталкивается с чрезвычайно сложным устройством и чем-то сверхчеловеческим в государственной власти. 3) О сложной зависимости: чем мощнее Левиафан, тем меньше возможностей для самостоятельности отдельных «человечков», что, однако, создает иллюзии защищенности, благодаря пребыванию в «теле» могучего Властелина. Напрашивается вывод: чем активнее будут эти «человечки», чем чаще они будут объединяться, тем больше у них возможностей опосредовать свои отношения с «земным богом» с помощью публичной политики, снижая давление Левиафана на повседневную жизнь. И тем значительнее становится роль политики, опосредующей отношение «жизнь массы людей – государственная власть».

В основе государственной власти лежат пороки и добродетели человека, но эта власть, по своим истокам «естественная» для человека, постоянно превращается в искусственную, противостоящую ему силу. Выходит, что человек создает реальность, которая его же самого «отрицает». Тем не менее, как бы «вспоминая» о своих истоках, государственная власть, легитимируя свои полномочия, стремится представить себя в качестве идущей от людей («общая воля», «общественный договор», «общее благосостояние», «президент от народа»

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Гоббс Т. Избранные произведения: в 2-х томах. Т. 2. М., 1964. С. 197.

и т.д.). В отношениях с подданными власть проявляет тенденцию обходиться без посредников, воздействуя на людей с помощью прямых указов, идеологии и насилия. Но это не удается полностью даже тоталитарным и авторитарным режимам. И власть обращается к такому посреднику как публичная политика, с её помощью конструируя подходящую модель «человека политического». Такое посредничество смягчает выше обозначенное противостояние и расширяет многообразие вариаций образа «человека политического»: от либерального (ограничителя власти, атрибута демократии) до тоталитарного (стимулятора всевластия, творца Левиафана).

Таким образом, исследование «человека политического» предполагает обращение к соотношению понятий «публичная политика», «жизненные сферы», «государственная власть», «политическое посредничество».

2. Методологический аспект конструирования «человека политического»

Публичная политика – область интенсивных взаимовлияний субъектов на разных уровнях, начиная от представительства требований жизненных сфер и кончая государственной властью и глобальным сообществом. Как деятельность она включает: поиск оптимального сочетания интересов, выработку соглашений (ковенантов), разрешение конфликтов интересов, выстраивание отношений между многими субъектами. Исследователи имеют дело с конструированием социальной реальности, которое совершается в процессе политической деятельности, познания и коммуникации. Наиболее адекватные принципы и методы в исследовании «человека политического» – антропологизм и конструктивизм¹, широко применяемые в таких дисциплинах как философская, социальная и политическая антропология.

Говоря о «человеке политическом», можно представлять его как состояние общества, социальную конструкцию, как результат публичной политики, оцениваемый с помощью некоторых усреднённых характеристик. При этом в данной конструкции оцениваются элементы: а) неинституциональные (ментальность, ценности, идентичности); б) неформальные институты (обычаи, традиции); в) формальные институты (нормы, процедуры); г) акционные (участие в общественной жизни, организованность); д) социально-когнитивные (общая и политическая компетентность). А, с другой стороны, это – инструмент исследователя политики: конструкт, мысленная модель, переменная величина.

Следует сравнить данный конструкт с другими, например, «человеком

¹ См.: Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1996. С. 33-36.

экономическим», предполагающим иной подход в оценке соотношения постоянства и изменчивости, структурности и феноменальности, нормативности и спонтанности, этики обязательств и свободы. И другой «срез» опосредованности взаимовлияния структур повседневности и государственной власти: а именно, через посредство экономической политики. Конструкт «человек экономический» ориентирован на изучение связи потребностей человека, его калькуляции выгод и издержек, труда, предприимчивости с институтами, регулируемыми обмен и потребление. Ф. Фукуяма правомерно считает, что человек не является просто экономическим животным и потому экономическая трактовка не объясняет, почему люди защищают народный суверенитет, гарантии основных прав, верховенство закона¹.

Близко к «человеку экономическому» стоит конструкт «человек организационный», раскрывающий сосредоточенность субъекта на поиске и сохранении принадлежности к корпорации, приоритет групповой динамики, заслоняющий актуальность других жизненных сфер (территории, быта, семьи, здоровья, культуры) и проблем общества – всего, что происходит за пределами жизни корпорации. Подобная партикуляризация интересов характерна также для конструктов «человек потребляющий», «человек электронный» (e-homo). Эти конструкты характеризуют полную открытость для информации и манипуляции, партикуляризирующей интересы. Другую крайность характеризует конструкт «человек административный», обозначающий принятие, как у Гоббса в «Левиафане» без обсуждения всех указаний «сверху» (от начальника, правителя), потерю потенциала общественной активности в силу недостатка самостоятельности. Но крайности сходятся, когда «человек административный» в деиерархизированной ситуации активно обменивает административный ресурс на материальные блага, интеллектуальные статусы и т.д.

Названные выше конструкты объясняют действия людей как внутри жизненных сфер, так и в структурах власти, но это частичные функциональные стороны, не охватывающие комплекс связей между жизненными сферами и властью; они не могут заменить конструкт «человек политический». Поэтому необходимы философские и междисциплинарные подходы, обосновывающие антропологические и конструктивистские позиции, чтобы использовать конструкт, описывающий взаимовлияние жизни людей (повседневности), структур политики и государственной власти. Таким, более общим конструктом является на наш взгляд, «человек политический».

Способы создания такого конструкта и его вариантов бывают разными. Например, описание типов политического господства (М. Вебер), авторитарной личности (Т. Адорно), англосаксонской политической культуры (Г. Алмонд и

¹ Фукуяма. Фр. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. С. 6.

С. Верба), «советского простого человека» (Ю. Левада), «политического человека» (С.М. Липсет), гражданской состоятельности государства (Ч. Тили, А. Степан). Подобные конструкты полезны, как в плане аналитическом, прогностическом, так и методологическом, поскольку выделяют признаки «политического посредничества» универсального и специфического характера, уровни осознания политических интересов, политического участия, начиная с интереса к информации и кончая деятельностью в партиях и государственных органах.

Конструкты эти, с одной стороны, могут отражать опыт деятельности в жизненных сферах, порождающий общественные пред-политические стремления людей, переходящие то в лояльность, то в протест по отношению к государственной власти. С другой стороны, они улавливают восприятие людьми «выходов» государственной власти «в народ» для легитимации, проведения социальной, информационной, образовательной и тому подобной политики. Конструкт «политический человек» показывает, как в политике опосредуется взаимовлияние «жизни» и «системы», включаются механизмы идентификации, поиск оптимума автономии и зависимости людей, интересов меньшинства и большинства, удержания государственной власти в рамках законов, нравственных норм, традиций. Такой конструкт отражает когнитивное (познавательное) и этическое стремление соотносить государственную власть с индивидуальной и групповой идентичностью. А. Камю принадлежат замечательные слова: «Чтобы понять мир, человек должен свести его к человеческому, наложить на него свою печать»¹.

В этом плане весьма интересны наработки политико-социологического конструктивизма, объясняющие идентификационные аспекты публичной политики. Так Р. Даль к критериям демократии относит активное и эффективное участие, равенство при голосовании, информационное понимание, контроль над повесткой дня, включенность взрослых². Конструкт «советский простой человек» представляет, по мнению Л. Гудкова, структуру массовой идентификации и коллективной интеграции, обеспечивающей солидарность с властью, утверждение общих ценностей и набор массовых самооценок и мнений о самих себе. Это – идеально типический человек со сложным набором характеристик, связывающих и социальную систему (институционально регулируемое поведение), и сферу символически смыслового производства (социокультурные образцы, паттерны поведения и ориентаций), подкрепленные механизмами социального контроля, набором различных санкций³.

¹ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 32.

² Dahl R. On Democracy. New Haven: Yale University Press. 2005. P. 37-38.

³ Гудков Л.Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки. 2007. № 6. С. 22.

В подобных конструктах выявляются признаки политического посредничества, способного «включать» в общественные связи, идентифицироваться с государством. В направлении исследования идентификации идут также антропологи. Например, С.Ф. Надель говорит о конструкте максимального «включения», «вовлеченности»: «...Политическими институтами являются те, которые обеспечивают управление и удержание «очень большого объема групп в едином теле, то есть в обществе»¹, а Е.Р. Лич ведет речь об «инклюзии» – максимальной способности общества к «включению» людей, необходимому для установления политического единства². «Человек политический» открыт навстречу такой способности общества и государства к его «включению» (инклюзии) в свои системы. Соответственно у него выработаны качества, позволяющие противостоять эксклюзии (исключению, маргинализации), апеллируя через публичную политику к власти, борясь за свои права, за участие в управлении организациями и обществом.

Философская антропология все эти конструкты размещает в более широком контексте, соединяя идеал и дискретные жизненные проявления, общее и особенное, абстрактное и конкретное. Для философа «человек политический» – конструкт, который несет в себе и сохраняет в истории противоречие целостности (гармоничности) общества, гражданской идентичности, динамики совершенствования (изменчивости), исходя из смысла жизни, ее перспектив. Человек разрешает это противоречие в неразрушительной форме, благодаря участию в общественной жизни и посредничеству публичной политики, противостоит тем самым трансцендентному злу, устремленному к овладению властью, повседневно проявляющемуся в дискретных формах. Философский смысл конструкта «человек политический» заключается в том, чтобы показать постоянство людского участия в противостоянии силам зла в обществе и во власти, претворении в жизнь гуманистических замыслов путем публичного влияния на полномочия политиков и должностных лиц.

«Человек политический» в его реальном индивидуальном или коллективном воплощении должен обладать признаками публичной субъектности – способности преодолеть свою частность, изолированную индивидуальность, включаться в решение проблем общества, влиять на власть, осознавать, что без этого он не сможет совершенствовать свою повседневность. История показывает, что модус социальных изменений в целом имеет вектор движения к человеку инклюзивному («включенному») в формат политического посредничества.

¹ См.: Nadel S.F. The Foundations of Social Anthropology. 1951, P.184, 141.

² См.: Баландье Ж. Политическая антропология. М., 1995. С. 34

3. Жизненные сферы и пред-политические состояния человека

Пред-политические импульсы, толкающие человека к участию в публичной политике, формируются в жизненных сферах: территориальной, естественно-антропологической, духовно-культурной, агентно-профессиональной. В них включен человек как существо территориальное, телесное, культурное и деловое. Такие сферы повседневности рождают «спонтанные формы жизни», выступающие как «подкладка политической культуры»¹. Они содержат топоры инклюзии в виде «сетей доверия», различных сообществ, интегрирующих общество, а также топоры эксклюзии (исключения), ведущей как к социальной дифференциации, так и к нарушению прав, изоляции людей. В нормальном обществе неизбежны инклюзивно-эксклюзивные процессы, практики формирования доверия, солидарности, нейтрализации рисков, переговоров и соглашений, включающих людей в политику, а через нее воздействующих на власть. Жизненные сферы порождают «сети доверия», а на их основе с помощью активистов, СМИ, другой коммуникации формируется общественность (публика), функция которой – создание общественного мнения и гражданская солидаризация для решения различных проблем². Неполитические «сети доверия» людей выносятся в публичное пространство. Это – важная предпосылка конструирования «человека политического». В этой связи Ю. Хабермас говорил о необходимости «сети свободных ассоциаций, расположенных как бы вне организационного уровня партий»³.

Стагнация общественности ведет к тому, что в жизненных сферах расширяется эксклюзия, приводящая к его отходу от участия в общественной жизни. «Человек не-участвующий», из-за стремления к мнимому спокойствию или из страха, обкрадывает себя материально и духовно, снижает свой потенциал, как в жизненных сферах (повседневности), так и в политике. Как следствие – потери: территориально-экологические (земли захватываются людьми и корпорациями, обремененными деньгами и властью), естественно-антропологические (снижение качества жизни, рост заболеваемости, падение рождаемости, деградация здравоохранения), духовно-культурные (деградация образования, культуры, нравственности, потеря смысла жизни), агентно-профессиональные (де-квалификация работников, нарушения охраны труда, принудительный труд, произвол работодателей). Все это означает умаление достоинства, нарушение

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Академия, 1995. С. 96.

² Это актив массового общества, люди, готовые обсуждать проблемы, высказываться по общественно значимым вопросам, осуществлять критику и контроль «снизу» (См.: Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М., 1996. С. 101).

³ Хабермас Ю. Указ. произведение. С. 96.

прав и свобод людей, снижение посреднических возможностей политического влияния людей на власть.

Конструкт «человек политический» показывает, что нарушения прав людей могут активизировать пред-политические стимулы жизненных сфер, всколыхнуть общественность, подтолкнуть людей к политическому участию. Например, территориальная сфера оказывает серьезнейшее влияние на все остальные сферы и на участие в политике. Размещение производства, расселение людей, виды поселений, сообщение между ними, распределение земли в значительной степени определяет характер инклюзивно-экслюзивного процесса в обществе. Для России это в значительной степени зависит от региона проживания, т.к. проявляется сильная асимметрия территориальных прав. Территориальная доступность жизнеобеспечения, здравоохранения, образования, культуры, рабочих мест, острота земельного вопроса, экологическое неблагополучие – все это изменяет соотношение инклюзии и эксклюзии, порождает пред-политические стимулы, в частности, в местном самоуправлении.

Институционализация связей и отношений в территориальной сфере – одно из важных направлений нейтрализации эксклюзии, влияющее на локальные «рациональные коммуникации», самоуправление, местную и бытовую солидарность. Не случайно, бурное развитие получили социальная, политическая, гуманитарная география. Во многих странах, а в России особенно, статус словесий, общественных групп, карьера, развитие личности определяется нередко местом поселения и территориальной мобильностью, как актуальными маркерами благосостояния и эксклюзии. Формирование социального правового государства в России значительно зависит от территории. Все остальные жизненные сферы формируются, как правило, по мере освоения территорий; при этом разрешаются или обостряются проблемы локальной флуктуационной активности, способствующей как интеграции, так и дезинтеграции. Все территориальные самоопределения и идентичности требуют экологической, транспортной, экономической и другой политики; появляется понятие региональной (территориальной) политики.

Естественно-антропологическая сфера воспроизводит естественные ценности и потребности людей (здоровье, детство, молодость, отдых, пол и гендер, семья, демографические пропорции), удовлетворяемые с помощью благ искусственной среды обитания (жилье, бытовая инфраструктура, производство продуктов питания, здравоохранение). Здесь зарождаются демографические диспропорции, одна из причин которых пролонгированные последствия и корреляции социальных эксклюзий. Например, нехватка детских садов, карьера в ущерб семье и детям, недооценка семейных отношений, разводы и соответствующие естественные эксклюзии обуславливают диспропорции на 15-20 и бо-

лее лет вперед. С этим связаны и миграционные потоки, которые несут неоднозначные воздействия. В этой сфере, где затруднена формальная институционализация и сохраняют свою роль неформальные институты и отношения, порождаются мощные пред-политические стимулы участия в общественной жизни и протесты. Поэтому государственная и местная власть обращает внимание на демографическую, жилищную, продовольственную, санитарно-гигиеническую, здравоохранительную политику.

Духовно-культурная сфера, в свою очередь, влияет на все инфраструктуры и институты. Мораль, образование, наука, конфессии, искусство (исключением ТВ и Интернет) воспроизводят ценности, трудно обращающиеся в коммерческий продукт. Их коммерциализация, в том числе, через виртуальные рынки информационных сетей, серьезно мешает аккультурации разных слоев населения, обуславливает культурные эксклюзии. На пред-политические стимулы и запросы данной сферы власть отвечает образовательной, культурной, научной, этнокультурной политикой, участием в системе воспитания, строительстве государственно-конфессиональных отношений.

Агентно-профессиональная сфера воспроизводит потребности и способности к труду, производству коммерциализируемых благ, адекватному экономическому поведению. Это – область сильной социальной дифференциации, а поэтому источник ощутимых социальных эксклюзий и пред-политических запросов. Здесь остро необходимы инклюзии, переговоры работников и работодателей с участием государства, регулирование трудовых отношений, подготовка и переподготовка кадров, развитие предпринимательства, создание рабочих мест, трудовая миграция. Здесь наиболее развиты индивидуализация, гендерные асимметрии, конкуренция, коммерциализация и последовательная формальная институционализация. Мощная агентная эксклюзия вызывает пред-политические стимулы участия, например, реакции вкладчиков банков, забастовки работников предприятий. Рынок может выступать, то в качестве наследника, то антагониста традиции «общественного договора». Появились концепции политического рынка как посреднической сети и пространства развертывания «человека политического». Рынок может стимулировать анти-рыночные настроения и консолидацию определенных слоев, требования изменений промышленной, образовательной, энергетической политики, развития здравоохранения, социального страхования, пенсионного обеспечения.

Таким образом, состояния жизненных сфер дают сигналы неблагополучия, нарушения прав, пробуждая от пассивности «молчащего», не участвующего в общественной жизни человека. Эти сигналы трансформируются в формирование «сетей доверия», структур гражданского общества, усиление участия в посредничестве публичной политики и конструирование «человека политиче-

ского», способного влиять на государственную власть. Закономерен отсюда вывод, что в конструировании «человека политического» необходимо выделять пред-политические импульсы, идущие из жизненных сфер, подталкивающие к участию, и репрезентируемые (представляемые) как жизнесферные самоидентификации. Причем как нормальное развитие жизненных сфер, так и кризисное, может порождать импульсы к участию – требования реализации интересов, охраны и защиты прав; их основания коренятся в повседневности. Можно говорить о таких элементах конструирования «человека политического» как жизнесферные идентичности (территориальная, естественная, культурная, агентная).

Их взаимодействие, репрезентация через «сети доверия» находят выражение в идентификации с публичной политикой и государством и предполагают антропологическое переосмысление природы государственной власти.

4. Антропологическое переосмысление исследований государственной власти

Если жизненные сферы «излучают» пред-политические импульсы, имеющие идентификационную природу, чреватую общественным активизмом, то как же ведет себя государственная власть? Конструктивизм помогает переосмыслить (реконцептуализировать) исследования политики и государственной власти с позиций антропологизма, преодолеть господствующие долгое время позитивистские и элитистские установки.

Как обеспечивается взаимовлияние государственной власти и человека, связанное с образованием пред-политических импульсов и выходом их в публичную политику, а также учет их в государственной политике? По-своему правы авторы, исследующие идентификацию и считающие, что политика не выступает основным каналом коммуникации людей с социумом¹. Но при таком, можно сказать, деконструктивистском подходе, трудно объяснить, как неполитические потребности, интересы, процедуры подготавливают и инициируют политическое в человеке, его идентификацию с государством. Пред-политические импульсы к политическому посредничеству формируются, как в жизненных сферах под влиянием публичной политики, так и в самой системе государственной власти. Конструирование «человека политического» идет как бы с двух сторон. Поэтому А. Степан и Х. Линц, например, исследуют «состоятельность» государства, исходя из «отчетливости» идентификации граждан с этим государством. Эта отчетливость является основой их политического поведения и, в конечном счете, демократического участия, а дефицит идентифика-

¹ Журавский А.В. Глобализация и столкновение идентичностей. М.: КноРус. 2003. С. 15.

ции граждан с государством подрывает состоятельность последнего¹.

Мега-институт государства не может не оказывать воздействие на жизненные сферы. Он способствует порождению субстанциональных и процедурных элементов, пробуждающих сознание необходимости участия, закреплению их в ментальности и неформальных институтах. Государственная власть формирует политико-управленческую волю к оптимальному регулированию жизненных сфер, их мобилизации или стабилизации, что воплощается в законодательстве, представительстве, электоральных структурах, правоприменении, плебисцитарных инициативах, обращениях к народу, выявлении общественного мнения и т.д. Воля к влиянию на жизненные сферы объясняется тем, что жизнестойкость любого общества зависит не столько от властной, сколько от «антропологической» доминанты, коренящейся и воспроизводящейся в конкретном опыте жизни, повседневных забот, хозяйствования, мышления, веры и взаимопомощи конкретных людей.

Поэтому пред-политические стимулы жизненных сфер, «сети доверия», общественность достигают в конечном счете уровня публичной политики и через нее взаимовлияния с государственным управлением. Эти стимулы воздействуют на индивидуальных и коллективных субъектов с их интересами и правами и включаются в соответствующие институциональные среды. Складываются определенные комбинации индивидуальных и коллективных интересов, обуславливающих участие в общественной жизни и формирование посреднических политических структур, принимающих и передающих информацию о пред-политических стимулах участия, а также усиливающих или ослабляющих их, порождающих обратную связь «власть – публика – жизненные сферы».

Инклюзивно-экслюзивные процессы испытывают на себе влияние взаимодействия субъектов участия на разных уровнях – индивидуальном, коллективном (корпоративном), общественно-государственном, глобальном. Люди, реализуя свои интересы, защищают права индивидуально, коллективно (через организации), на общественно-государственном уровне (представительство, законодательство, регулирование, социальная защита), а также на глобальном с помощью международного права. Мы приближаемся к возможности ответа на поставленный в начале параграфа вопрос. Для идентификации себя с публичной политикой и государством люди включаются не только в «сети доверия» в жизненных сферах. Они должны осознавать свою инклюзию (включенность) и экслюзию (исключенность) по отношению к шкале «индивидуальное – коллективное (корпоративное) – общественно-государственное – глобальное».

Это осознание приводит к тому, что их жизнесферные идентичности

¹ Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Democratisation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. – Baltimore, London, 1996.

включены в ранжирование субъектности как уровней и форм представления, реализации, охраны и защиты интересов и прав. Но это осознание включенности в ранжирование субъектности становится «мостиком» для влияния государственной власти на публичную политику и жизненные сферы. Возможности осознавать и чувствовать, что твоя повседневность и ты сам со своими «горизонтальными» (сетевыми) жизнесферными идентичностями включены в систему «вертикальных» взаимовлияний на индивидуальном, коллективном, общественно-государственном, глобальном уровнях, формируют «переплетение», а точнее, определенную «идентификационную сеть» причастностей-отчужденностей. Индивидуальная, коллективная (корпоративная, организационная), общественно-государственная (национальная, гражданская), глобальная (космополитическая) идентичности – показывают «вертикальный» срез конструирования «человека политического», поддерживаемый публичной политикой и властью. Жизнесферные (сетевые) идентичности проявляют соответствующий «горизонтальный» срез. Таким образом, формируется конструкт «человека политического», отраженный и представленный в «идентификационной сети».

Неинституциональная по определению «идентификационная сеть» имеет свои референты – институциональные среды, которые должны отвечать общему и специфическому ценностному коду, характеру коммуникации тех или иных жизненных сфер и включать пред-политические импульсы в публичную политику и взаимовлияние с государственной властью. Одни жизненные сферы предполагают ограничение государственного регулирования, другие, наоборот, требуют более широкого вмешательства государства. Одни сферы прямо ориентированы на рынок (производство и сбыт товаров и услуг), другие не предполагают непосредственного вхождения в него (демография, здравоохранение, образование, наука, искусство). Для территориальной сферы востребовано, как рыночное, так и нерыночное государственное регулирование и поведение. Для многих северных и дальневосточных территорий, сельской местности, лесных поселений России рыночное регулирование не обеспечивает нормальное развитие. Но и в Москве, Подмосковье, на Кубани, где земля становится почти «золотой», обладает высокой ликвидностью, в большом количестве вовлекается в гражданский оборот, тем не менее, отсутствие нормальной земельной и миграционной политики ведет к эксклюзии жителей (точечная застройка, захваты сельскохозяйственных земель, конфликты с мигрантами), что вызывает протесты. Власть в России особенно озабочена по поводу демографического неблагополучия, нехватки трудовых ресурсов, потребности в замещающей и трудовой миграции, потери социокультурной идентичности принимающих обществ.

Таким образом, характер взаимовлияния жизненных сфер и власти через публичную политику оказывает непосредственное влияние на формирование

содержания «человека политического» – структуры массовой идентификации и коллективной интеграции. Благодаря этой структуре обеспечивается консолидация людей, общества и государства на основе общих ценностей и ожиданий, воспроизводство инклюзивных массовых самооценок, фильтрация и нейтрализация эксклюзий. Конкретизируя этот процесс, исследователи разрабатывают соответствующие понятия политического посредничества, политического рынка, социального правового государства, гражданского общества.

Наиболее чувствительными в учете пред-политических антропологических стимулов, интеграции их в институциональных средах, другими словами, восприятия «идентификационной сети», оказались не столько структуры экономического и политического рынка, сколько мега-институт социального правового государства. Развитие последнего предполагает оптимально опосредованное взаимовлияние власти, институциональных сред, «сетей доверия» гражданского общества. Такое представление согласуется с теоретической реконцептуализацией (переосмыслением) государственной власти и политики, начатой еще в 1960-1970-х гг. Если ранее измерения власти затрагивали больше деятельность элитных учреждений, нормативно-правовых институтов (парламент, правительство, влиятельные политические партии, законодательство), то теперь исследователи обратили пристальное внимание на неформальные институты повседневной жизни. В философских исследованиях даны новые прочтения политического на основе понятий «гегемония» (А. Грамши) и «governmentality» (М. Фуко), ориентирующие на изучение опосредованных связей государственной власти с территориальностью, телесностью, духовностью, агентностью человека¹. Это – новый выход на социальную конструкцию «человека политического», предполагающий, в частности, использование посредничества «центров публичной политики», так называемых «фабрик мысли»².

Социальное правовое государство, поддерживая определенное стремление к равенству, создает формальные институты, соотносимые с институциональными средами жизненных сфер, приемлемыми неформальными правилами, регулируемыми повседневностью. В общем, понятия гегемонии и governmentality означают, что государственная власть зависит от своего взаимовлияния с

¹ Значение «governmentality» близко к понятию публичной управляемости общества (см., в частности: Gunn S. From Hegemony to Governmentality: Changing Conceptions of Power in Social History // Journal of Social History. Volume 39. Spring 2006. Issue 3).

² Число таких центров в мире возросло до 5 тыс. Исследователи отмечают, что они должны выполнять функцию медиаторов, посредников, обеспечивающих конструктивное взаимодействие гражданских структур, академических центров и власти, привлечение активистов, экспертов к решению общественнозначимых задач (См.: «Фабрики мысли» и центры публичной политики: международный и первый российский опыт /Под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб: Норма, 2002; Горный М.Б. Центры публичной политики в конце XX – начале XXI в. // Публичное пространство, гражданское общество и власть. М.: РОССПЭН, 2008).

«жизненным миром»; если последний будет разрушаться, то это разрушит и государственный режим. Но власть, как правило, не может действовать на жизненные сферы прямо (хотя и стремится к этому), поэтому использует опосредованные пути через политическую систему, включающую в себя партии, СМИ, общественные объединения. Те взаимодействуют с неформальными институтами, включающими в себя ценности жизненных сфер. С помощью ценностей и коммуникаций пред-политические стимулы и общественное участие переводятся на язык политических требований. «Человек политический» – своеобразный синхронный переводчик между государством и языком отдельной личности, импульсами жизненных сфер, «сетей доверия», партийных, других структур и процедур. Деформации ценностей влияет на действенность неформальных институтов, что, в свою очередь, влияет на формальные институты в политической системе, ведет к рассогласованию интересов и прав субъектов на всех уровнях (индивидуальном, коллективном, общественно-государственном, глобальном). Это и отражается в «идентификационной сети» (схемы 1,2,3).

Антропологическое и конструктивистское переосмысление исследований государственной власти актуально и в связи с тем, что наблюдается снижение общего влияния формальных институтов, рассогласованность их с неформальными институтами, что ведет к деформализации правил и аномии (обесцениванию норм). Поскольку борьба с коррупцией, теневой экономикой, терроризмом только силовыми методами, даже на глобальном уровне, успехов не приносит, коррупция и в жизненных сферах, и во власти, сохранение «теневой» экономики, проявление терроризма приобретают характер привыкания людей к такого рода социальным отклонениям, безразличному и безучастному отношению к этим явлениям. Социальное правовое государство и гражданское общество, обладающие посредническими инклюзивно-экслюзивными механизмами, должны в этих условиях всемерно способствовать взаимосвязи формальных и неформальных институтов, нейтрализации аномии и экслюзии. В частности, наряду с социальной защитой и социальным страхованием, судебной защитой, возможно расширение также участия в группах взаимопомощи, территориальном общественном самоуправлении, товариществах собственников жилья, ветеранских, детских, женских, молодежных объединениях, ассоциациях мелкого бизнеса. Через них возможен выход на политические партии, социальное и частно-государственное партнерство, государственные структуры.

На реконцептуализацию исследований государственной власти также влияет глобализация. Идет универсализация позитивных импульсов и правил; но нередко это приводит к тому, что неформальные институты локализируются и неадекватно включаются в инклюзивно-экслюзивный процесс, что выражается в «глокализации», национализме, социальных и этнических конфликтах.

Причем это может быть реакцией на опасность экспорта чуждых ценностей и политических технологий («цветных» революций, например). Поэтому современное государство должно отвечать соответствующим признакам, показывающим возможность его противостояния внешним влияниям и поддержания солидарности граждан. Это укладывается в соотношение «статусности» (принадлежности к сообществу самостоятельных государств) и «состоятельности» (соответствие государства своей собственной природе – идеям нации, гражданства) как двух сторон государственности¹. Х. Линц и А. Степан рассматривают состоятельность в плане проблемы идентификации граждан с государством. Ч. Тили в этой связи соотносит показатели «потенциал государства» и «демократизм» (обеспеченность политических прав и гражданских свобод)².

Видимо, настало время включить данные показатели в общую систему инклюзивно-экслюзивного процесса, как носящего не только экономикораспределительный характер, но также отражающий участие в распределении «выходов» в публичную политику, что имеет, несомненно, идентификационный характер. Все это показывает актуальность выделения в качестве самостоятельного объекта «идентификационной сети» и более объёмного исследования взаимосвязи жизненных сфер с индивидуальными, коллективными, общественно-государственными, глобальными формами их представления, а также реализации интересов граждан, охраны и защиты их прав.

Объективная оптимизация данного процесса зависит от способности всех субъектов, и в немалой степени, государственной власти участвовать в конструировании «человека политического». Усиливающийся диссонанс отношений глобальных акторов, государства, национальных хозяйствующих и политических коллективных субъектов, индивидуальных политических акторов угрожает целостности политики (особенно социальной), что просвечивается наглядно через призму жизненных сфер, например, при усилении международных миграционных потоков. Хотя на глобальном уровне принимаются международные конвенции в отношении миграции, решения проблемы городских трущоб, борьбы с болезнями, защиты природной среды, но нередко интересы ТНК реализуются гораздо более эффективно. Это усиливает эксклюзивию в жизненных сферах и политике, что приводит политические режимы в кризисное состояние, поскольку подрываются обе составляющие государственности: статусность (самостоятельность) и состоятельность, зависящие от идентификации граждан с государством. Это становится серьёзным испытанием и для социальных правовых государств, также актуализируя для них проблему конструирования «чело-

¹ См.: Ильин М.В. Формула государственности // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2008. № 3 (50). С. 74-76.

² Тилли Ч. Демократия. М.: Институт общественного проектирования, 2007. С. 165-67.

века политического».

Для решения проблем современной государственной власти и взаимодействия с жизненными сферами, социально-правовое государство вырабатывает стратегии, общая направленность и структурированность которых соотносится с посредничеством политики, развитием гражданского общества. Эти стратегии направлены на активизацию жизненных сфер, что означает не стимулирование иждивенчества, а оживление территориальных, естественных, культурных, агентных потребностей, выливающихся в пред-политические стимулы, создание «сетей доверия», развитие местного самоуправления. От этого зависит состояние территорий, мобильность, демографическое, социокультурное, экономическое поведение граждан, двухстороннее («сверху» и «снизу») конструирования развитого «человека политического», представляющего перед властью интересы и права разных территорий, эколого-ориентированного жителя, социально-демографических когорт, культурной личности, конкурентоспособного работника, активного и социально ответственного гражданина.

Можно обозначить вызовы, мешающие такому двухстороннему конструированию развитого «человека политического». «Сверху» (со стороны государственной власти) – авторитаризм, бюрократизм, коррупция государственных и муниципальных служащих, продажа служебной закрытой информации, деструкция отношений государственного управления и местного самоуправления, управляемая виртуализация и электронный контроль за гражданами, что ведет, в конечном счете, к ограничению и нарушению прав граждан, в том числе в рамках охраны национальной безопасности. Но вызовы идут и «снизу» (со стороны жизненных сфер) – спад рождаемости, высокая смертность, в том числе на дорогах, неупорядоченная и нелегальная миграция, бытовая и уличная преступность, алкоголизм, наркомания, игромания и другие отклонения, ведущие к росту опасных болезней, коммерческий подкуп, рост объемов бытового мусора, хакерство на государственных и других сайтах, атомизация и абсентеизм, злоупотребление различными правами человека и т.д. В современной России о серьезности этих вызовов свидетельствуют и выступления Президента РФ, и разного рода программы, обращения политических партий, Общественной палаты РФ, общественных объединений, местных сообществ.

Все это означает и новые вызовы для современной философской антропологии. Человек не перестает решать проблему самоопределения, хотя существующая социальная реальность осложняет это. На ряд проблем самоопределения человека проливает свет теория идентификации. По мнению Э. Эриксона, в рамках идентификации человек оценивает свое равенство, свою биографию по сравнению с другими (первый план) и отмечает, как другие («мир») оценивают его равенство и биографию (второй план). Так определя-

ется баланс инклюзий и эксклюзий для конкретного человека, группы (коллектива) и даже определенного государства, группы государств. Если первый план (жизненные сферы) является пред-политическим, то второй (пути и формы представления интересов, охраны и защиты прав) неизбежно политизируется. Совмещение двух этих планов и дает «идентификационную сеть» – набор идентичностей в конструкции современного «человека политического». Теория идентификации помогает выстроить универсальную матрицу направлений самоопределения, объясняющего формирование «человека политического», гражданского общества и социального правового государства.

Социальное правовое государство, обеспечивая взаимовлияние жизненных сфер и государственной власти, включает права человека в качестве субинститута такого посредничества, занимающего важное место в конструировании «человека политического». А.Г. Бережнов определяет права человека как определенный минимум общесоциальных (в рамках отдельного общества), общечеловеческих и общедемократических требований к правовому и социальному положению каждой личности, реализация которых должна и может быть обеспечена в любом обществе, вне зависимости от особенностей его социально-правовой системы¹. Е.А. Лукашева видит в правах человека также гарантированную законом и обеспеченную судебной защитой способность реализовать свои притязания в различных сферах жизнедеятельности, систему жизнеобеспечения личности, без которой невозможно ее нормальное существование².

Права человека становятся в конструировании «человека политического» важнейшим звеном, поскольку адекватно передают суть механизмов инклюзивно-эксклюзивного процесса и посредническую роль публичной политики. Почему права играют такую роль? Во-первых, они коренятся в жизненных сферах, «сетях доверия» и осознаются как человеческое достоинство, неинституциональный элемент, выраженный жизнесферными идентичностями. Во-вторых, они принимают институциональную форму (нормы права), включенную в систему законодательства и властного правоприменения с помощью юридических и административных процедур, т.е. имеют отношение и к государственной власти. В-третьих, они воспринимаются в форме состояния политико-правовой защищенности людей через механизмы представления, реализации, охраны, защиты (без этого они будут просто декларативными) и включаются как звено в публичную политику. Это состояние передается как политико-правовые стратегии приватизма, солидаризма, эгалитаризма и глобализма, означающие участие в политическом посредничестве между жизненными сферами и государственной властью. Эта трехзвенная структура прав человека наи-

¹ См : Бережнов А.Г. Права личности: некоторые вопросы теории. М.: МГУ, 1991.

² См.: Общая теория прав человека /Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 1996.

более адекватно передает суть конструирования «человека политического».

5. Идентификационная интерпретация конструкта «человек политический»

Представленная выше трехзвенность прав человека помогает связать в конструкте «человек политический» два среза (плана). С одной стороны, «горизонтальный» («сетевой») срез: пред-политическое человеческое достоинство, выраженное жизнесферными идентичностями – территориальной, естественной, культурной, агентной (схема 1). С другой, «вертикальный» (политический) срез: субъектность людей, реализующих свои интересы, защищающих права, благодаря сочетанию различных механизмов: индивидуальных (приватных), групповых (коллективных), общественно-государственных (национальных), глобальных (международных). Это предполагает поддержание систем межличностных, групповых, общегосударственных, международных солидарностей.

Теперь мы можем перейти к наглядному отражению искомого конструкта. В характеристике посреднической роли конструкта «человек политический» необходимо показать возможности поддержания человеческого достоинства в жизненных сферах. Здесь поможет презентация многомерного понятия «права человека» с помощью «идентификационной сети». Изображение жизнесферных идентичностей не расчлениют достоинство человека, но подчеркивают его грани, многосферность самоорганизации людей и системы интеграции.

Схема 1 показывает, как, пред-политическое достоинство человека – существа территориального, естественного, духовного, агентного – приобретает жизнесферное содержание в виде прав:

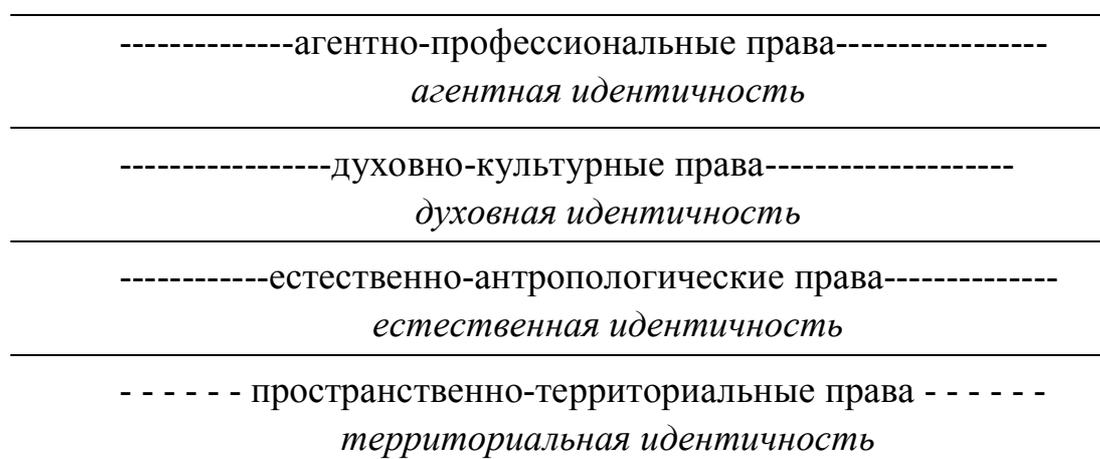

Схема 1. Пред-политическое достоинство,

жизнесферные идентичности и права¹

Но это один план (срез) «идентификационной сети», показывающий предполитические, не-институциональные основы презентации прав человека, без учета того, как институционализируются предпосылки прав человека в публичной политике, ее посреднических стратегиях. Эти стратегии складываются в политическом пространстве, во взаимодействии механизмов, реализующих права и интересы. Назовем эти стратегии условно приватизм, солидаризм, эгалитаризм, глобализм (схема 2). Они учитывают реалии публичной политики, уровни субъектности, способы и формы интеграции интересов, охраны и защиты прав – приватные (индивидуальные), солидарные (корпоративные, групповые), эгалитарные, т.е. поддерживающие равенство (равноправие) для всех (общественно-государственные), глобальные (международные).

Схема 2. Стратегии реализации интересов, охраны и защиты прав в публичной политике

В чем суть этих стратегий? Человек, включаясь в политическую жизнь, может реализовать права и защищать себя, противостоять эксклюзиям самостоятельно, надеясь на себя и близких, или прибегать к помощи механизмов групповых, организационных («сети доверия», объединения, партии, центры публичной политики), а также через общественно-государственные (обращение в прокуратуру, суд, общественную палату) и международно-правовые меха-

¹ См. подробнее: Капицын В.М. Права человека и механизмы их защиты. М.: ЮрКнига, 2003. С.

низмы (нормы и организации: Европейский суд по правам человека, организации «Репортеры без границ», международные фонды и т.д.).

Эти способы и формы участия – плацдармы посредничества и взаимовлияния государства, гражданского общества и жизненных сфер, что выявляется при толковании норм Конституции, законодательства, государственных и партийных программ, общественных объединений. В частности, понятие «конституционные права» – выражение политического посредничества, ориентир идентификации граждан с государством. Так власть, с помощью публичной политики, постоянно «приземляется» на жизнесферную «почву», воспринимая импульсы территории, населения, культуры, труда, следует конституционным правам, обрастает институтами социального правового государства.

Здесь (схема 2) поворот анализа жизнесферного достоинства и прав человека уже через второй план (срез) применяемой нами «идентификационной сети» – стратегии политики, способы реализации интересов, охраны и защиты прав, отражающие, в том числе, уровень субъектной апелляции к государству. Все права, классифицированные нами выше с помощью «горизонтальной» (сетевой) идентификации (схема 1), неизбежно институционализируются и дифференцируются по своему способу представления, охраны и защиты (схема 2), обращаясь к уровню индивида, коллектива, государства, мирового сообщества.

«Идентификационная сеть» (схема 3) раскрывает наложение на структуру пред-политического человеческого достоинства стратегий публичной политики и государства, обеспечивающих определенные гарантии реализации, охраны и защиты прав. Такие гарантии не в состоянии дать только гражданское общество без взаимовлияния с социальным правовым государством. Стремления человека в гражданском обществе должны получать гарантированную политико-правовую поддержку, которая становится государственной. «Вертикальный» срез конструкта отражает субъектность людей, реализующих свои интересы, охраняющих и защищающих права, поддерживающих гарантии управляемости и справедливости общества с помощью политико-правовых стратегий.

Схема 3 отражает, как с помощью публичной политики, включающей законодательство, договорные, судебные, административные механизмы реализации, охраны и защиты, жизнесферные права человека систематизируются социальным правовым государством и приобретают политико-правовое состояние (конституционные права). «Идентификационная сеть» показывает, что пред-политическое человеческое достоинство включается в систему охраняемых государством прав человека (конституционных прав). Срезы идентичностей и стратегий публичной политики по существу перелагают на политико-правовой язык понятие справедливости и состоятельности государства. Их сочетание обуславливает динамизм гражданского общества и социального право-

вого государства и порождаемой в таком взаимодействии конструкции «человека политического».

з м	р и з м	р и з м	з м
<i>агентная идентичность</i> агентно-профессиональные права			
л и	т а	д а	т и
<i>духовная идентичность</i> духовно-культурные права			
б а	л и	л и	в а
<i>естественная идентичность</i> естественно-антропологические права			
г л о	э г а	с о	п р и
<i>территориальная идентичность</i> пространственно-территориальные права			

Схема 3. «Идентификационная сеть» (пересечение политико-правовых стратегий с пред-политическим человеческим достоинством)¹

Подводя итоги, выделим еще раз основные характеристики в конструкте «человек политический»: а) пред-политическое (сетевое) достоинство человека, зарождающееся в жизненных сферах и выраженное в идентичностях (территориальной, естественной, духовной, агентной) и неинституционализированных правах человека; б) сочетание субъектности на индивидуальном, групповом, общественно-государственном, глобальном уровнях, позволяющее использовать соответствующие механизмы реализации интересов, охраны и защиты прав; в) посреднические стратегии публичной политики: приватизм, солидаризм, эгалитаризм, глобализм, позволяющие сочетать самостоятельность и за-

¹ См.: Капицын В.М. Цивилизационная идентичность России в глобальном контексте // Национальная идентичность и демографический кризис. М.: Научный эксперт, 2007. С. 463

щищенность людей и организаций. Если же говорить о конструировании реальных субъектов публичной политики, то для них должно быть характерно: а) сочетание гражданской идентификации с государством и включенности в демократическое участие; б) ориентация на защиту прав человека и выполнение обязанностей члена общества (гражданина государства); в) интеграция в инклюзивно-эксклюзивный процесс общества (производство и распределение благ, закрепление прав и обязанностей).